

ИССЛЕДОВАНИЕ

Андрей Семёнов: Власть в целом воспринимается негативно, а президент — позитивно

Интервью с директором Центра сравнительных исторических и политических исследований

Ольга Дерягина

— Андрей, вы являетесь одним из участников проекта, реализуемого ЦСИПИ, под названием «Политика в тяжёлые времена». Расскажите, пожалуйста, о результатах этого исследования. Как экономический кризис в России повлиял на отношение граждан к руководству страны и ассоциируют ли они власть с успехами и провалами в экономике?

— Начну с предыстории проекта. В декабре 2014 года, когда обвалился курс рубля и вышла статистика снижения уровня ВВП и реальных зарплат, мы с коллегой из Высшей школы экономики Еленой Сироткиной отметили для себя тот факт, что ситуация в экономике ухудшается, а рейтинг президента не падает, колеблясь между значениями 82–86%. Нас заинтересовало, почему рационально действующие люди, у которых в кошельке становится меньше денег, не пересматривают своё отношение к ключевым игрокам и институтам власти. В 2015 году мы подали заявку в Российский гуманитарный научный фонд на финансирование исследования, суть которого сводилась к поиску ответа на вопрос, накажут ли граждане власть за кризис, и она была поддержана фондом.

Для измерения агрегированных настроений граждан Аналитический центр Юрия Левады в августе 2016-го провёл по нашему заказу социологический опрос, а в этом году мы собрали шесть фокус-групповых дискуссий (две в Перми, две в Санкт-Петербурге, по одной в Москве и Саранске). На фокус-группах мы обсуждали, как вообще люди воспринимают кризис и ответственность власти, а также анализировали динамику внутри разных групп.

Данные, полученные в результате использования этих инструментов, где-то стыкуются, а где-то нет, но некоторые общие тенденции можно вывести. В опрос мы включили эксперимент, разделив всех респондентов на четыре группы случайным образом (это называется рандомизацией), каждой из которых задавался определённый информационный контекст. Первой группе — в виде вопроса про Крым, второй — про экономический кризис, третьей — оба вопроса, а четвёртой — ни одного из двух, она выступала как контрольная. Потом измеряли оценку эффективности институтов власти по стандартной шкале.

Результаты оказались такими: президенту достались все лавры за внешнюю и экономическую политику государства. В той группе, которой задавался вопрос про кризис, как это ни парадоксально, рейтинг президента даже вырос. А вот

правительству и Госдуме постоянно падало: группа, которой задавался вопрос про экономический кризис, была наиболее критично настроена по отношению к этим институтам, причём к правительству в меньшей степени, чем к Госдуме. Она воспринимается крайне негативно.

— Какая была выборка респондентов?

— Выборка всероссийская, репрезентативная — 1601 респондент. При этом, что очень важно для исследования, экспериментальные группы внутри оказались однородными. Это условие позволяет нам утверждать, что различия в оценках эффективности нельзя объяснить какими-то другими причинами (полом, возрастом, образованием), кроме информационного стимула. Наш посыл, что кризис есть, оказался состоятельным: 86% опрошенных ответили на вопрос о его наличии положительно.

Во время дискуссий в фокус-группах мы пытались понять, какая рациональность стоит за тем, что есть президент, который всегда хороший, и есть остальные органы власти, которые в ответе за всё плохое. Здесь важно было обеспечить вариативность состава участников фокус-групп. В Перми мы провели одну дискуссию для молодёжи, другая группа состояла в основном из взрослых людей. В Питере группы формировались по принципу «те, кто смотрят телевизор» и «те, кто не смотрят». Москва интересовала нас как продвинутый регион, Саранск — как отстающий.

— Есть ли корреляция в восприятии власти в зависимости от возраста, от включённости в телевизионную повестку, от уровня дохода?

— Некоторые связи существуют. Например, молодёжь в среднем оценивает эффективность власти выше. В группах, которые считают, что новости на феде-

того, что представляет собой экономический кризис. Зачастую, даже не обращая внимания на слово «текущий» в приложении к кризису, участники начинали говорить про ситуацию 1998 года, кто-то

EBITDA растёт, налоговые отчисления в бюджет увеличиваются».

Как бы то ни было, большинство связывали кризис с коррупцией и воспринимали его как нечто, что мешает двигаться дальше, тормозит развитие. И тут в очередной раз президент выходит сухим из воды: в ответах на вопрос, кто всё-таки несёт ответственность за предпосылки, президент если и фигурировал, то в контексте того, что он не может за всем уследить. Формулировки были примерно такие: «Ну как президент в коррупцию вовлечён? Ну не тех лиц назначает в правительство, недостаточно контролирует своих подчинённых...» Очень упрощая: царь — хороший, бояре — плохие.

— Чем вы объясните такое отношение к правителю? Это результат исторического наследия, культурных кодов, вшитых в сознание российского человека, воздействия государственной пропаганды?

— Как в любом научном исследовании, по итогам его проведения у нас появилось

Нас заинтересовало, почему рационально действующие люди, у которых в кошельке становится меньше денег, не пересматривают своё отношение к ключевым игрокам и институтам власти

ральных каналах подаются эффективно, оценка эффективности также выше.

Серьёзных различий в оценке эффективности в зависимости от уровня доходов мы не нашли. Зато на фокус-группах подтвердилась иерархия степени ответственности. Все участники выделяли президента в отдельную категорию.

Однако существенной проблемой для нас оказались различия в понимании

вспоминал перестройку и развал СССР, кто-то — 2008–2009 годы. Иными словами, для многих участников текущий кризис — это продолжение или отголосок прошлых.

В то же время некоторые представители высокодоходных групп в Москве и Санкт-Петербурге вообще с удивлением реагировали на вопрос про кризис: «О чём вы говорите? У нас всё хорошо!